ТРОЕ

В. Хлѣбниковъ
А. Крученых
Е. Гуро

ТРОЕ.

Обложка и рисунки посвящаются памяти Е. ГУРО. Художникомъ К. С. Малевичемъ.

ТИПОГРАФІЯ
Т-ВА „НАШЪ ВѢКЪ",
МАЛАЯ ПОД. С. Д. 12.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Это послѣдняя книжка, въ которой такъ рано ушедшая Елена Гуро появляется вмѣстѣ со своими товарищами,—книжка, задуманная ею еще въ апрѣлѣ.

...Новая веселая весна за порогомъ: новое громадное качественное завоеваніе міра. Точно все живое, разбитое на тысячи видимостей, искаженное и униженное въ нихъ, бурно стремится найти настоящую дорогу къ себѣ и другъ къ другу, опрокидывая всѣ установленныя грани и способы человѣческаго общенія. И недалеки, можетъ-быть, дни, когда побѣжденные призраки трехмѣрнаго пространства и кажущагося, каплеобразнаго времени, и трусливой причинности, и еще многіе и многіе другіе—окажутся для всѣхъ тѣмъ, что они есть—досадными прутьями клѣтки, въ которой бьется творческій духъ человѣка—и только. Новая философія, психологія, музыка, живопись, порознь почти непріемлемыя для нормально-усталой современной души,—такъ радостно, такъ несбыточно поясняютъ и дополняютъ другъ друга: такъ сладки встрѣчи только для тѣхъ, кто все сжегъ за собою.

Но всѣ эти побѣды—только средства. А цѣль—тотъ новый удивительный міръ впереди, въ которомъ даже вещи воскреснутъ. И если одни завоевываютъ его,—или хотя-бы дороги къ нему,—другіе уже видятъ его, какъ въ откровеніи,

почти живутъ въ немъ. Такая была Ел. Гуро. Такимъ, почти осязаемымъ,—уже своимъ, уже выстраданнымъ,—кажется этотъ міръ въ ея неоконченной книгѣ «Бѣдный Рыцарь». Душа ея была слишкомъ нѣжна, чтобы ломать, слишкомъ велика и благостна, чтобы враждовать даже съ прошлымъ, и такъ прозрачна, что съ легкостью проходила черезъ самыя уплотненныя явленія міра, самые грубые наросты установленнаго со своей тихой свѣчечкой большого грядущаго свѣта. Ее саму, можетъ быть, мало стѣсняли старыя формы, но въ молодомъ напорѣ «новыхъ» она сразу узнала свое—и не ошиблась. И если для многихъ связь ея съ ними была какимъ-то печальнымъ недоразумѣніемъ, то потому только, что они не поняли ни ея, ни ихъ.

Вотъ почему намъ надо было сказать эти нѣсколько словъ. Для всѣхъ, лично знавшихъ Ел. Гуро, боль утраты еще слишкомъ велика, чтобы говорить о ней, какъ о прошломъ, дѣлать ея характеристику, и пр., и пр. Пусть о ней скажутъ ея послѣднія дѣти, ея «Небесныя Верблюжата» и «Рыцарь Бѣдный». Вся она, какъ личность, какъ художникъ, какъ писатель, со своими особыми потусторонними путями и въ жизни и въ искусствѣ—необычайное, почти непонятное въ условіяхъ современности, явленіе. Вся она, можетъ быть, знакъ.

Знакъ, что приблизилось время.

Александръ Крученыхъ.

ИЗЪ БЕЗДНЫ.

Опадающіе стихи блуждающій согласъ.

бѣжать къ вершинамъ тяжело
и упадешь—не низко
куда мудрѣе въ колесо
свернуться... повезло...
не упадешь и не зацѣпишься
а такъ—все катишься на дно
и тамъ полонъ нелѣпости
но небо видно
въ себя войдешь въ себя
и все дальше внутрь
забудешь что? едваль!
все тутъ
о увѣряю васъ: на вышинѣ
стоящій измѣряетъ низъ
все кажется: прилѣзутъ тѣ
и стащутъ внизъ
одинъ на высотѣ
мудрецъ и то соскучится
иди ка къ чернотѣ
не все на золоченой улицѣ
ты на низу спокойно умудряй
свой короткій опытъ
пусть быстроногій въ край
мчитъ далекій
а только—ногу сломитъ
на потѣху заднихъ...
какъ узывенъ вечери звонъ
звонить не думай кулаками
не перешагнуть безъ возмездья
ни единой ступени
чтобъ достигнуть надзвѣздья
надо вглубь спуститься
гдѣ тѣнь
тамъ увидишь сіяніе любимыхъ
а рукой все равно не достать!
ноги сломятся шумно ретивы—
засіяетъ тебѣ благодать
голосъ слышенъ отшедшей...
какъ живые кричатъ!
убиваютъ потверже
по землѣ бьютъ лопаты.

ИЗЪ САХАРЫ ВЪ АМЕРИКУ.

Пятеро кто хочетъ считать насъ? Пять востронососѣдогривыхъ чернорукихъ ясно видно у каждаго пять учениковъ сверху нависли на уши слушаютъ щетины большія по ошибкѣ шепчемъ

когда мы шагали по небоскребамъ
порхали легче отъ перваго до послѣдняго
кто вѣруетъ тому не жаль серебра
бростье и мы престолъ
всѣ углубилися за станками
разлетаются кудри
сѣкуточей ударилъ
вѣетъ дальшее море
драгоцѣнныя чаши кидаются въ него
бритыя чаши
и знаетъ кто ихъ... да?

кривобокоубогіе пещернашихъ псы углахъ пятишести головахъ простые не выдержать что пьютъ тихій полусвѣтъ ночной холодно смотритъ въ черноходы

насъ нѣтъ мы кинуты край міра за скалою видимъ въ церковь ходимъ позлословить

когда псы уходятъ остается ихъ коготь худъ шерсть по полу дрожитъ

тѣхъ знаковъ ни рыбѣ ни горѣ не разщелить

псы лаютъ на деревья птицы нападаютъ въ пасти

псы лютующіе межъ деревьевъ облаки летятъ въ ту сторону псы зѣваютъ намъ тихо насъ не вѣшаютъ не вѣшаются а какъ будто въ туманѣ спускаются пули уколятъ ускользнутъ а мы ожидаемъ одѣвайте пули разорвать ихъ сдѣлать для живота

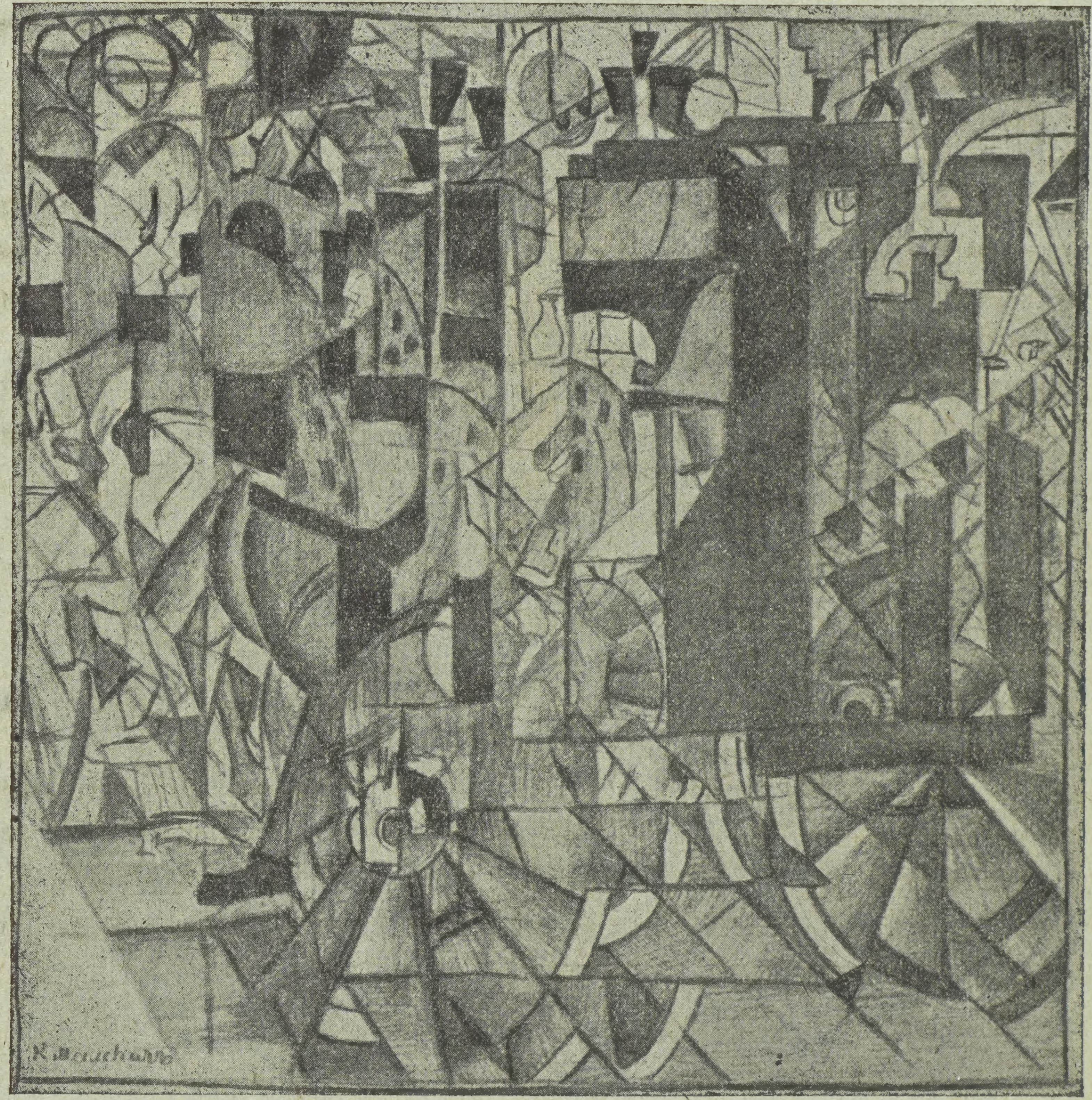
блины не помѣщаются

пряткіе

никто не знаетъ

какъ бы обмануться когда у людей одинакіе почерки

и плюнулъ я въ сосудъ мерзости и встала она дыбы и зареготала а я мокрѣе гриба стоялъ передъ ней падая головой и показалось воздухъ чадный смѣло мнѣ уши чертятъ что-то и сельди нависли на плечи а на серединѣ лба изрѣкла молодая старуха и когда насъ пять усядетъ на камнѣ и вперимъ мы очеса межъ планетъ что видны межъ былой листвы намъ видится пропасть

намъ кажется что мы упадаемъ туда безъ платьевъ наши чуткіе уши чуютъ и и что по чугунному скрипитъ планета что черночервь точитъ числа

что

мы вникаемъ въ безсмыслицу ихъ тренія и считаемъ ченъ кину со мкамъ пробуждаемся когда изъ норъ пыль летитъ въ пещеру чиниая пришла навѣстить сгорѣвшихъ дѣвъ царица кадка съ саломъ на плечѣ руки сплелись цапля чиниая зовутъ славіи ястреба красноудлиненныя рыбы

ходъ царицы измѣнялся другой начинался уже но ровно оба прямые и пепелъ сѣрой пыли посыпалъ дорогу и сожженныя кости шевелятся знаки псы подбираютъ жемчуга ея глазъ хранятъ и камень руки утаятъ

черный камень черты чиниаи о который разбивались многіе вѣтры

мы въ сторонѣ

горекъ нашъ овесъ насъ не любятъ конскіе оки царицы дѣвы а сколько молили жгли жертву

если не возлѣ нея то возлѣ дома стоимъ согнувшись незамѣтно ссыхаясь бы бинъ засвистѣли рога полѣно заблестѣли убить надо

разсмѣялись ножъ упалъ ноги остригъ разрубилъ только псы не чихаютъ

невинный

э э зей

чашки шевелятся кость кости сростется окрѣпнетъ? инъ эзгай кости тѣло тынъ торчкомъ ребра гвоздемъ трава на быкѣ

притихли прислонился сосетъ сокъ кости мы все сохнемъ

множь камни перытые

лѣсъ тожъ деревья трудно указать границы концы

когда малы то больше кажется

менвше больнѣе

топазъ несгораемъ

появляется замученная рыба кричитъ спасите римъ опять утонетъ

стерлись имена на корѣ

прорастаемъ какъ трава на быкѣ

всѣ ея богатства у насъ

не стали богаче

и жемчугъ ея не согрѣетъ худѣющіе тѣла и рукъ не побѣлѣютъ

псы не найдутъ насъ хоть и траву слѣдятъ на брюхѣ извиваются

сложились кости

горчей бани

не смѣются псы

на ногѣ вертятся

окаменѣли стволы
когда я разбѣжалъ подняться остроостровъ черъ нике принялъ меня
не слышатъ насъ псы не скавчатъ опять жалобно вытянутъ шеи и отбросивъ по землѣ стелятся нюхаютъ головой кусаются
ту юръ ща накрапываетъ
топазъ трудно отличить отъ алмаза
мозгъ змѣи цѣлебенъ
наши головы прѣли когда мы были стары уменьшались тѣлеса въ пуху
кость мамонта подъ бурой мочалью
если не исцѣлитъ
и приложились мы къ кости ладонь къ кости и око стѣнели
сталъ лѣсъ какъ изъ ножа
повисли платочки
и псы наши потеряли носы по вѣтру
все покрыла рѣшетка
унесли бороды люди
одѣли на усы что торчатъ оглоблей

подъ бородой слюнявой пса
легъ усталый

далека гроза
веселыхъ охотницъ орава
я издалека пришелъ
къ родной собакѣ
у домовъ острый колъ
такъ и просится въ драку
въ конурѣ блохи жалятъ часто
и пыль столбомъ
но малымъ я счастливъ
хоть бѣлье кругомъ
хоть слышу ходъ сводовъ...
тяжелыхъ колесъ...
но прижалъ я морду—
ты бѣсъ! не песъ...
тепло съ чернявымъ рядомъ
кожу жую
лишь соли надо
размягчить шею твою
помню какъ меня били
за дружбу съ тобой
но отхлынули хвили
надъ нами домъ крутой
какъ часовые
стучатъ жуки

как раньше вздрагивалъ
чуя толчки
ноги мои достали доски
за ней дрожитъ пѣсня
много тамъ пустой тоски
а мнѣ совсѣмъ не тѣсно
вся наша посуда
пустая чашка
не давитъ подъ спудомъ
синяя бумажка
съ другомъ свернулись въ калачикъ
дышать тяжело
повернуться—задача—
горло ко мнѣ легло
зубы мои безъ устали
шкура крѣпка—
чешешься псина, устами
давишь на доскѣ клопа
...тамъ вилка въ углу привѣшена...
мнѣ нужно тебя обгрызть—
когда будетъ плѣшина
спустимся внизъ...
какія сны мнѣ снятся
я скоро выздоровѣю тогда

стану гонять зайцевъ
соской не будетъ борода
и провѣтрюсь солью
прокопчусь смолой
но навѣянныхъ пылью
не отвѣдаю сновъ...

45° ЖАРЫ

Куда дѣваться отъ мечтанья
о твоей коралловой странѣ
заглушишь какъ трепетанья
какъ пробраться къ лунѣ

свѣтелъ день ало пламя
земля и деревья шипятъ
не укрыться сверканья
змѣи золотыя меня сторожатъ

вокругъ горятъ вѣдьмовства маки
сквозь хвои соснъ сверкнетъ дозоръ
какъ совѣсть мучитъ камень всякій—
и вѣтка гибкая—укоръ

видно сонъ навѣваетъ жара
видно околдованъ паромъ
и съ землею проститься пора
гдѣ призывы звучатъ мои даромъ...

я въ гробъ вошелъ—тамъ кости дышатъ
тамъ несносно зловонье
и опять выползаю на крышу
гдѣ столбы сплелись въ цѣлованьѣ.

въ водѣ ловлю пушистыхъ зайцевъ
плаваетъ лебедь... вдали цапля
въ туманѣ не увижу хоть пальцевъ
но несносна длинная лапа—

зарычалъ я бросаясь на дно
кувыркаясь какъ мельницъ колеса...
и ухо волной снесено
и духъ мой вопитъ безголосый...

3

гдѣ тѣсенъ пылъ бойница

заплекаетъ рыжья спица

гоголя падволъ калоша

шагая улицамъ сельди висѣль

въ запоры саитъ сулы

легъ беззаботно пали тулы

вы вѣроки облачь сказаль

облачье болое вбить наповалъ

къ прекраснымъ далямъ насъ зоветъ
и кличетъ земля худая
куда я?
или наступаетъ тотъ потопъ
что въ бокъ ударя
сядетъ на сельдь
висѣть будетъ удалой?
браво!
всегда такъ было съ оравой...
Мощь и тощъ теперь пара!
Ломая вѣтку
прыгая
въ воздушную сѣтку
игривая жизнь
вспугнула насѣдку
икра я
замѣчай обмельченіе рѣкъ
желѣзный волъ плыветъ поперекъ
бойницамъ тѣсно
какъ тѣсто всходитъ пылъ тѣлесный
судрецъ былъ силенъ высшимъ
книги его грызутъ мыши
начертаютъ черные флаги
спать легко на бумагѣ

гдѣ то звенитъ пустота
вездѣ гласитъ смѣхъ остріе рта
ранитъ невѣсомая игла
притупила зубы пила.

не зримовъ у стѣнъ
буды
замѣчало пѣснь роды
крайне чтецъ боится
паровозилъ сто копытца

ОТЧАЯНІЕ

изъ подъ земли вырыть
украсть у пальца
прыгнуть сверхъ головы
сидя итти
стоя бѣжать
куда зарыть кольца
виси на петлѣ
тихо качаясь

НОВЫЕ ПУТИ СЛОВА

(языкъ будущаго смерть символизму)

никто не станетъ спорить, если сказать что у насъ нѣтъ литературной критики (судей рѣчетворчества)

не станутъ же принимать за таковыхъ вурдалаковъ питающихся кровью «великихъ покойниковъ» ни душителей молодого и живого

вурдалаки гробокопатели станичники паразиты — единственныя достойныя имена нашихъ критиковъ

перегрызть другъ другу горло, заклевать, утопить «въ ложкѣ воды»—ихъ всегдашнее занятіе даже охота

любятъ наши критики сводить счеты или заниматься политическимъ да семейнымъ сыскомъ и всегда оставляютъ вопросы с л о в а въ сторонѣ

русскіе читатели (даже они!) презираютъ ихъ и съ отвращеніемъ отодвигаютъ жвачку предлагаемую вмѣсто пищи

но къ позору истинныхъ цѣнителей и любителей искусствъ надо отнести то, что нужное слово никѣмъ сказано не было

Не надо удивляться, что н а с ъ баячей будущаго забрасываютъ грязью «критичекъ»

Мы уподобились воинамъ напавшимъ тусклымъ утромъ на праздныхъ непріятелей—и вотъ они на потѣху побѣдителей и всего міра даютъ другъ другу пинки цѣпляются за волосы и непріятелю могутъ бросить одну лишь г р я з ь и б р а н ь

не страшны намъ такіе воины а ихъ переполохъ—наша добыча!

смотрите толстогубые!

мы показываемъ оружіе хитро заостренное и лучшаго закала, оружіе за которое вы блудливо хотѣли взяться и только порѣзали свои руки...

до насъ не было словеснаго искусства

были жалкіе попытки рабской мысли возсоздать свой бытъ, философію и психологію (что называлось романами, повѣстями, поэмами и пр.) были стишки для всякаго домашняго и семейнаго употребленія, но

и с к у с с т в а с л о в а

не было

странно? скажемъ больше: дѣлалось все, чтобы заглушить

первобытное чувство родного языка, чтобы вылущить изъ слова плодотворное зерно, оскопить его и пустить по міру какъ «ясный чистый честный звучный русскій языкъ» хоть это былъ уже не языкъ, а жалкій евнухъ неспособный что-нибудь дать міру. Его лечить и совершенствовать нельзя, и мы совершенно правильно заявили «бросить Пушкина, Толстого, Достоевскаго и проч. и проч. съ парохода современности» чтобъ не отравляли воздухъ! послѣ былинъ и «слова о полку Игоревѣ» словесное искусство падало и при Пушкинѣ оно стояло ниже чѣмъ при Третьяковскомъ (хотя и совершенствовались «пути сообщенія»,—смотри ниже).

Ясное и рѣшительное доказательство тому, что до сихъ поръ слово было въ кандалахъ является его подчиненность смыслу

до сихъ поръ утверждали:

«мысль диктуетъ законы слову, а не наоборотъ».

Мы указали на эту ошибку и дали свободный языкъ, заумный и вселенскій.

Черезъ мысль шли художники прежніе къ слову, мы же черезъ слово къ непосредственному постиженію.

«Въ искусствѣ мы уже имѣемъ первые опыты языка будущаго. Искусство идетъ въ авангардѣ психической эволюціи.

Въ настоящій моментъ у насъ есть три единицы психической жизни: ощущеніе, представленіе, понятіе (и идея), и начинаетъ образовываться четвертая единица—«высшая интуиція» (Tertium Organum П. Успенскаго).

Въ искусствѣ мы заявили:

СЛОВО ШИРЕ СМЫСЛА

слово (и составляющее его—звуки) не только куцая мысль, не только логика, но, главнымъ образомъ, заумное (ирраціональныя части, мистическія и эстетическія)...

гладіаторы и мечари

мысль одна, но слова разныя и настолько что скорѣй я скажу: смѣхири и мечари имѣютъ одинъ смыслъ, чѣмъ мечари и гладіаторы, потому что звуковой составъ слова даетъ ему окраску жизнь и слово только тогда воспринимается, живо дѣйствуетъ на насъ когда имѣетъ эту окраску

гладіаторы—тускло сѣро иностранно, мечари—ярко красочно и даетъ намъ картину мощныхъ людей, закованныхъ въ мѣдь и сѣтку

на биржѣ и въ конторѣ Метцль надо пользоваться, какъ

счетами, первымъ словомъ—мертвымъ безцвѣтнымъ, какъ телеграфный знакъ, въ искусствѣ же это мертвецъ на пиру

Лермонтовъ обезобразилъ русскую баячь (поэзiю) внесши въ нее этого смраднаго покойника и щеголяя въ л'азури...

моргъ—это смѣшно и напоминаетъ жирнаго нѣмца съ пивомъ, трупарня даетъ даже ощущенiе мертвецкой

университетъ—этимъ можно дразнить собакъ, всеучьбище—убѣждаетъ насъ въ важности обозначаемаго и т. д.

Важна каждая буква, каждый звукъ!

Зачѣмъ заимствовать у безъязыкихъ «нѣмцевъ» когда есть великолѣпное свое?

Русскiе читатели привыкли къ оскопленнымъ словамъ, и уже видятъ въ нихъ алгебраическiе знаки рѣшающiе механически задачу мыслишекъ, между тѣмъ все живое надсознательное въ словѣ, все, что связываетъ его съ родниками, истоками бытiя—не замѣчается.

Искусство же можетъ имѣть дѣло лишь съ живымъ, до покойниковъ ему нѣтъ заботы!

И сами писатели тосковали, сами понимали всю ненужность созданнаго.

«О если бъ безъ слова сказаться душей было можно?» (Фетъ).

«Мысль изреченная есть ложь» (Тютчевъ)

трижды правы!

Почему же было не уйти отъ мысли, и писать не словами—понятiями, а свободно образованными?

Ибо если художникъ безсиленъ значитъ онъ не овладѣлъ матерiаломъ!..

Люди исключительной честности—русскiе сектанты—рѣшились на это.

Обуреваемыя религiозньимъ вдохновенiемъ (а вдохновенiе всегда возвышенно) они заговорили на языкѣ «духа святаго» (по собственному ихъ великолѣпному выраженiю), пили «живую воду».

И вотъ получилось новое слово, которое уже не ложь, а истинное исповѣданiе вѣры, «обличенiе вещей невидимыхъ».

«намосъ памосъ багосъ»...
«герезонъ дроволмире здрувулъ
дремиле черезондро фордей»
(изъ рѣчи хлыста Шишкова).

Замѣчательно, что нѣкоторые сектанты (особники) изъ простыхъ крестьянъ, начинали вдругъ говорить не только на такомъ заумномъ языкѣ, но и на многихъ иностранныхъ языкахъ до того имъ неизвѣстныхъ!

И вотъ мимо такихъ воистину пророковъ изслѣдователи языка (критики тожъ) проходятъ мимо!.. Но не думайте, что мы являемся лишь подражателями обособниковъ.

Художникъ замѣчаетъ удивительныя краски на старой стѣнѣ—онѣ даютъ ему толчекъ и онъ создаетъ произведенiе искусства такъ же далекое отъ природы, какъ бѣлое море отъ черннаго!..

Удивительна безсмысленность нашихъ писателей такъ гоняющихся за смысломъ.

Они желая изобразить непонятность алогичность жизни и ея ужасъ или изобразить тайну жизни, прибѣгаютъ все къ тому же (какъ всегда, какъ всегда!) «ясному четкому» всеобщему языку

это все равно что голоднаго кормить булыжниками или пытаться поймать реязей въ гнилую сѣть!

Мы первые сказали, что для изображенiя новаго и будущаго нужны совершенно новыя слова и новое сочетанiе ихъ.

Такимъ рѣшительно новымъ будетъ сочетанiе словъ по ихъ внутреннимъ законамъ, кои открываются рѣчетворцу, а не по правиламъ логики и грамматики, какъ это дѣлалось до насъ.

Современные живописцы постигли ту тайну 1) что движенiе даетъ выпуклость (новое измѣренiе) и что обратно выпуклость даетъ движенiе

и 2) неправильная перспектива даетъ новое 4-е измѣренiе (сущность кубизма).

Современные же баячи открыли: что неправильное построенiе предложенiй (со стороны мысли и гранесловiя) даетъ движенiе и новое воспрiятiе мiра и обратно—движенiе и измѣненiе психики рождаютъ странныя «безсмысленныя» сочетанiя словъ и буквъ.

Поэтому мы расшатали грамматику и синтаксисъ, мы узнали что для изображенiе головокружительной современной жизни и еще болѣе стремительной будущей—надо по новому сочетать слова и чѣмъ больше безпорядка мы внесемъ въ построенiе предложенiй—тѣмъ лучше.

Прилизанные символисты ужасно боятся, что ихъ не пойметъ публика («Огонька» и «Русской Мысли»), мы же радуемся этому! недалекiе символисты все боятся какъ бы не сказать глупости безсмыслицы (съ точки зрѣнiя тѣхъ же читателей).

Извѣстно, что приготовишки очень стараются быть умными и взрослыми!..

Еще Достоевскiй замѣтилъ: «у каждаго писателя свой стиль а слѣдовательно и свое правописанiе» но самъ онъ «посягнулъ» лишь на запятую и мягкiй знакъ!..

И я вдругъ подумалъ: если перевернуть
вверхъ ножками стулья и диваны.
кувырнуть часы?..
пришло-бъ начало новой поры,

открылись бы страны.
тутъ же въ комнатѣ прятался конецъ
клубка вещей,
затертый недобрымъ вчерашнимъ днемъ
порядкомъ дней
тутъ же рядомъ въ комнатѣ онъ былъ!
я вдругъ повѣрилъ что такъ
и бояться не надо ничего
но искать надо тайный знакъ.

«Шарманка» Е. Гуро.

Неправильности въ построеніи рѣчи возможны:

1) неправильность—неожиданность—грамматическая:

а) несовпаденіе падежей, чиселъ, временъ и родовъ подлежащаго и сказуемаго опредѣленія и опредѣляемаго: пробѣгалъ озеро бѣлый летучіе

б) опущеніе подлежащаго или др. частей предложенія, опущеніе мѣстоимѣній предлоговъ и пр.

в) произвольное словоновшество (чистый неологизмъ): а ему все тирко (Сад. Суд. I), дыръ булъ щылъ и пр.

г) неожиданность звуковая:

е у ы, р л м к т ж г... («Возропщемъ»).

Здѣсь не лишнимъ будетъ указать на молодцовъ изъ «Мишени» на дняхъ выступившихъ въ печати и заимствующихъ нашу рѣчь то изъ однѣхъ гласныхъ то изъ согласныхъ,

то разбросанность буквъ и словъ и замѣтающихъ свои слѣды ссылкой на 1912 г. какъ время написанія (?!) своихъ подражаній! (Оригинально!)

д) неожиданное словообразованіе:

Сумнотичей и груститстѣлей
Зоветъ рыданственный желелъ
За то что нѣкогда свистѣли
Въ свинцѣ отсутствуетъ сулелъ
Пушекъ рокочущихъ-ли звукъ, гроза-ль,
Но къ лбу прильнетъ смертнирь-лобзаль
и нѣкто упадетъ на земь ничкомъ
и землю ороситъ кровавымъ ручейкомъ
«Мое собро»—укажетъ навъ
Въ недавнемъ юношѣ узнавъ
Кто пашней сталъ свинцовыхъ житъ
Кто передъ нимъ ничкомъ лежитъ

(В. Хлѣбниковъ, «Союзъ Молодежи» сб. III).

Благодаря такимъ неожиданностямъ впечатлѣніе войны доходитъ до обмана чувствъ.

Образцы неологизмовъ см. также Е. Гуро, Садокъ Судей II.

2) неправильность смысловая:

а) въ развитіи дѣйствія:

забылъ повѣситься
лечу къ америкамъ

на кораблѣ полѣзъ ли
кто
хоть былъ предъ носомъ
(«Взорваль» См. также «Пѣтухъ мудрости»
Садокъ Судей II)

б) неожиданность сравненія:
стучатъ огнемъ кочерги...
(Мірсконца)

Этими видами не исчерпываются всѣ возможныя неправильности и неожиданности: (недаромъ они неправильности) можно напр. назвать необычность размѣра, риѳмы, начертанія, цвѣта и положенія словъ и пр.

Наша цѣль лишь указать на самый способъ неправильности, показать ея необходимость и важность для искусства.

Наша цѣль подчеркнуть важное значеніе для искусства всѣхъ рѣзкостей, несогласовъ (диссонансовъ) и чисто первобытной грубости.

Когда хилому и блѣдному человѣчку захотѣлось освѣжить свою душу соприкосновеніемъ съ сильно-корявыми богами Африки, когда полюбился ему ихъ дикій свободный языкъ и рѣзецъ и звѣриный (по зоркости) глазъ первобытнаго человѣка, то семь нянюшекъ сразу завопили и стараются охранить заблудшее дитя—ты погрязнешь въ жестокости, эгоизмѣ,—кричитъ А. Е. Рѣдько (см. Русское Богатство за іюль с. г.)

твой путь бездна—лукаво кричитъ А. Бенуа, не говори безсмыслицы—предостерегаетъ Брюсовъ, другіе просто квохчутъ шипятъ и плюются.

И всѣ преподносятъ свои совѣты, свою чахлую безкровную философію не подозрѣвая, что она лишь неудачная поэзія (что хорошо извѣстно бывшимъ пророкамъ!)...

До насъ было скучное тягучее повѣствованіе, (3000 страницъ!) которое претитъ современной стремительной душѣ, воспринимающей міръ живо и непосредственно (интуитивно), какъ бы входящей въ вещи и явленія, трансцендентное во мнѣ и мое, а не сидящей гдѣ то въ сторанѣ и слушающей однѣ описанія и повѣствованія.

Наши новые пріемы учатъ новому постиженію міра, разбившему убогое построеніе Платона и Канта и др. «идеалистовъ», гдѣ человѣкъ стоялъ не въ центрѣ міра, а за перегородкой.

Раньше міръ художниковъ имѣлъ какъ бы два измѣренія: длину и ширину; теперь онъ получилъ глубину и выпуклость, движеніе и тяжесть, окраску времени и пр. и пр.

Мы стали видѣть з д ѣ с ь и т а м ъ. Ирраціональное (заумное) намъ такъ же непосредственно дано какъ и умное.

Намъ не нужно посредника—символа, мысли, мы даемъ свою собственную новую истину, а не служимъ отраженіемъ нѣкотораго солнца (или бревна?)

Идея символизма необходимо предполагаетъ ограниченность каждаго творца и истину спрятанной гдѣ то у какого то честнаго дяди.

Конечно, съ такой предпосылкой откуда же взяться радости, непосредственности и убѣдительности творчества? Неудивительно, что наши кислые символисты вымираютъ и идутъ на промыселъ въ «Ниву» и «Огонекъ»...

Мы первые нашли нить лабиринта и непринужденно разгуливаемъ въ немъ.

Символизмъ не выдерживаетъ взгляда современной гносеологiи и прямой души. Чѣмъ истина субъективнѣй—тѣмъ объективнѣе Субъективная объективность—нашъ путь. Не надо бояться полной свободы —если не вѣришь человѣку—лучше не имѣть съ нимъ дѣла!

Мы разсѣкли объектъ!

Мы стали видѣть мiръ насковозь

Мы научились слѣдить мiръ съ конца, насъ радуетъ это обратное движенiе (относительно слова мы замѣтили, что часто его можно читать съ конца и тогда оно получаетъ болѣе глубокiй смыслъ!)

Мы можемъ измѣнить тяжесть предметовъ (это вѣчное земное притяженiе), мы видимъ висящiя зданiя и тяжесть звуковъ.

Такимъ образомъ мы даемъ мiръ съ новымъ содержанiемъ...

Творчество всегда вдохновенно, богъ можетъ быть черный и бѣлый корявый и многорукiй—онъ тайна, но не нуль, хотя бы и повторенный сто разъ подрядъ.

Итальянскiе «забавляющiеся» футуристы съ безконечными ра та та ра та та уподобляются Метерлинковскимъ героямъ, думающимъ что дверь повторенная сто разъ преображается въ откровенiе

Эти механическiя ухищренiя — бездушныя однообразныя ведутъ къ смерти жизни и искусства.

Не съ цѣлью дразнить читателя трещащей пустотой и надоѣдливымъ лаяньемъ, а изыскивая все новые способы изображенiя скрещивающихся путей, бросающихъ насъ, искателей будущаго въ трясины и пустоты, мы выбираемъ коварные пути сбивающiе съ толку своей неожиданностью подъемовъ и спусковъ новичковъ. Въ искусствѣ можетъ быть несогласъ (диссонансэ), но не должно быть грубости, цинизма и нахальства (что проповѣдуютъ итальянскiе футуристы)—ибо нельзя войну и драку смѣшивать съ творчествомъ

Мы серьезны и торжественны, а не разрушительно—грубы...

Мы высокаго мнѣнiя о своей родинѣ!

Не увлекайтесь подражанiемъ иностранному.

Не употребляйте иностранныхъ словъ, въ художественныхъ произведенiяхъ, они умѣстны лишь въ одномъ случаѣ —когда хотятъ придать словамъ мелко оскорбительное значенiе.

Вспомните: Пушкинъ, будучи спрошенъ объ умѣ особы, съ которой онъ долго бесѣдовалъ, отвѣчалъ: не знаю, вѣдь я съ ней говорилъ по-французски!..

Создавайте новые родные слова!

Новое содержаніе т о г д а л и ш ь в ы я в л е н о, когда достигнуты новые пріемы выраженія, новая форма.

Разъ есть новая форма слѣдовательно есть и новое содержаніе, форма такимъ образомъ обусловливаетъ содержаніе.

Наше речетворчество вызвано н о в ы м ъ у г л у б л е н і е м ъ духа и на все бросаетъ новый свѣтъ.

Не новые предметы (объекты) творчества опредѣляютъ его истинную новизну.

Новый свѣтъ, бросаемый на старый міръ, м о ж е т ъ д а т ь с а м у ю п р и ч у д л и в у ю и г р у.

Неимѣющіе новаго свѣта судорожно хватаются за новые предметы—но положеніе ихъ тѣмъ печальнѣе: новое вино моментально прорываетъ старые мѣхи—такъ кончились потуги Брюсова-Вербицкой, Бальмонта—вѣчнаго балалаечника, Сологуба—пирожнаго, Андреева—отставного и эго-футуристовъ—зѣвуновъ: И. Сѣверянина, И. Игнатьева Василиска Гнѣдова и др.

Я уже не говорю о М. Горькомъ, Купринѣ, Чириковѣ и и проч. «бытовикахъ» или о «классикахъ» которыхъ никто не читаетъ.

Развѣ могутъ сравниться съ радостью существованія въ

новыхъ измѣреніяхъ какія бы то ни были убогія отрады прежнихъ земель?

Не поддавайтесь укорамъ и «добрымъ совѣтамъ» трусливыхъ душенокъ, у которыхъ глаза вѣчно обращены назадъ...

ЗАМѢТКИ ОБЪ ИСКУССТВѢ.

О п р е ж н и х ъ...

я писалъ о Тургеневѣ (въ Возропщеніе) что онъ б ы л ъ м у ж е м ъ В...

Новыя письма Тургенева—еще не опубликованные подтверждаютъ это.

Только я утверждаю, что Тургеневъ в с е г д а былъ ея истиннымъ супругомъ... Загадка для біографовъ!

Такъ шло Лермонтову быть несчастно влюбленнымъ.

Напыщенные отрицатели и циники всегда чрезвычайно сентиментальны—любятъ, чтобы ихъ приласкали пожалѣли простили.

Пушкинъ сказалъ, что прошлое пріятно.

Это лишь для людей бездѣятельныхъ—

(поэтому за сію мысль такъ ухватился «первый лѣнтяй» В. Розановъ).

Нельзя ни на что жаловаться жалоба—это возвращеніе къ прошлому, будущее—свѣтло.

О современникахъ.

Брюсовъ совсѣмъ не чувствуетъ слова, какъ такового и лишь прикидывается поэтомъ.

Лицо его похоже на черепъ.

Никто не замѣчалъ, что это розовый мертвецъ.

Ю. Айхенвальдъ пишетъ о писателѣ лишь послѣ его кончины и то на 10—20-й годъ, и жуетъ... жуетъ... и поливаетъ сладкими словами.

Когда же рѣшится написать о сегодняшнемъ, то даже друзьямъ его какъ-то неловко...

К. Чуковскій:

«Я могу говорить лишь о мелочахъ, которыя къ словесному искусству отношенія не имѣютъ, о самомъ словѣ не знаю, что сказать. Я могу говорить лишь о перчаткахъ красавицы, а не» о самой красавицѣ».

А. Б..., критика по живописи, художница Н. Г. обыкновенно называетъ: старая облѣзлая собака. Другіе художники такъ же относятся къ другимъ критикамъ.

Заумное—заумность,—къ метафизикѣ Кубизма Футуризма и проч.

Лучизмъ-дребедень, старые академическіе штрихи (писарской-росчеркъ) и томное сплетеніе линій и пятенъ «Міра Искусствъ».

Нравится мнѣ искренность и глубокая преданность Д. Бурлюка будетлянскому искусству. Д. Б. любитъ не себя и не о себѣ хлопочетъ (чего нѣтъ у М. Ларіонова, которому «никто не вѣритъ»—это молодецъ изъ гостиннаго двора: у насъ самое лучшее, а у сосѣдей краденое!)

Трогательна вѣчная забота Д. Б. о сотоварищахъ художникахъ и баячахъ.

Картины В. Бурлюка серьезны. Многіе, написанныя мрачными красками, оставляютъ глубокій слѣдъ у зрителя.

Не только наши Бубновые Валеты и слащавые лучисты, но и французы съ ихъ неискоренимымъ устремленіемъ къ НЮ (хоть бы изображали они и ножку кровати), не достигнутъ этой глубоко-русской мощи.

Картины К. Малевича подобное же созданіе чисто русской непримиримости.

Глубокая душа у Наталіи Гончаровой, которая произво-

дитъ впечатлѣніе христіанской мученицы (не только мое впечатлѣніе.)

О. Розанова умѣетъ вносить женское лукавство во всѣ «ужасы кубизма»—что поражаетъ своей неожиданностью и многихъ сбиваетъ съ толку.

Снова плачъ.

Скудельному сосуду, эго-блудистамъ не повезло: ихъ опять не замѣтили, спутали, обидѣли! Въ VIII-й своей книгѣ они жалуются на г. А. Е. Рѣдько, написавшаго статью объ эго-футуристахъ, а между тѣмъ ни слова объ эго-блудистахъ. Естественно!

Даже г-ну Рѣдько ясно, что «Петербургскій глашатай» никогда футуристомъ, а тѣмъ болѣе баячемъ будетляниномъ, не былъ. (Объ этомъ см. и статью С. Городецкаго въ «Рѣчи» отъ 1 октября 1912 г. № 269).

О книгахъ баячей.

Ужасно не люблю безконечныхъ произведеній и большихъ книгъ—ихъ нельзя прочесть за-разъ, нельзя вынести цѣльнаго впечатлѣнія.

Пусть книга будетъ маленькая, но никакой лжи; все—свое, этой книгѣ принадлежащее вплоть до послѣдней кляксы.

Изданіе Грифа, Скорпіона, Мусагета...
большіе бѣлые листы...
сѣрая печать... такъ и хочется завернуть селедочку... и течетъ въ этихъ книгахъ холодная кровь...

Наша будетлянская книга (трое) имѣетъ нѣсколько кожъ—какъ трудно будетъ грызть насъ!

Лѣто въ Усикирко.

Воздухъ густой, какъ золото... Я все время брожу и глотаю—незамѣтно написалъ «Побѣда надъ солнцемъ» (опера) выявленію ея помогали толчки необычайнаго голоса Малевича и «нѣжно пѣвшая скрипка» дорогого Матюшина.

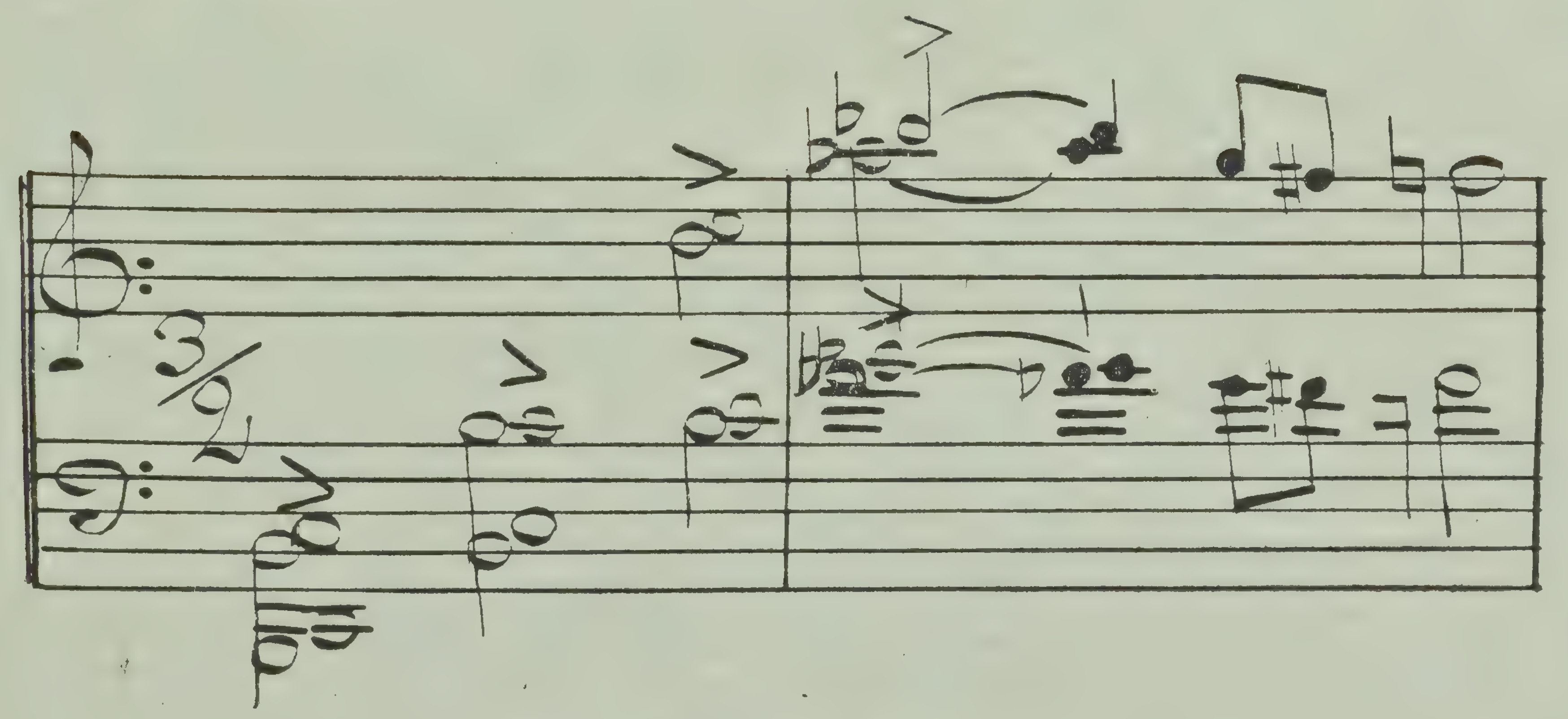
Въ Кунцево Маяковскій обхватывалъ буфера ж. д. поѣзда—то рождалась футуристская драма!

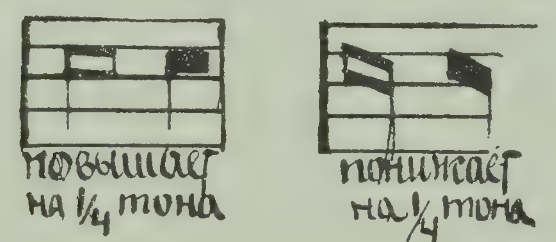
Есть многія слова и темы, которыя мною никогда не будутъ использованы, хоть другой найдетъ тамъ зерно и перенесетъ его на свою почву и пожнетъ плоды—для сихъ мои замѣтки.

Вступленіе къ оперѣ „Побѣда надъ Солнцемъ".

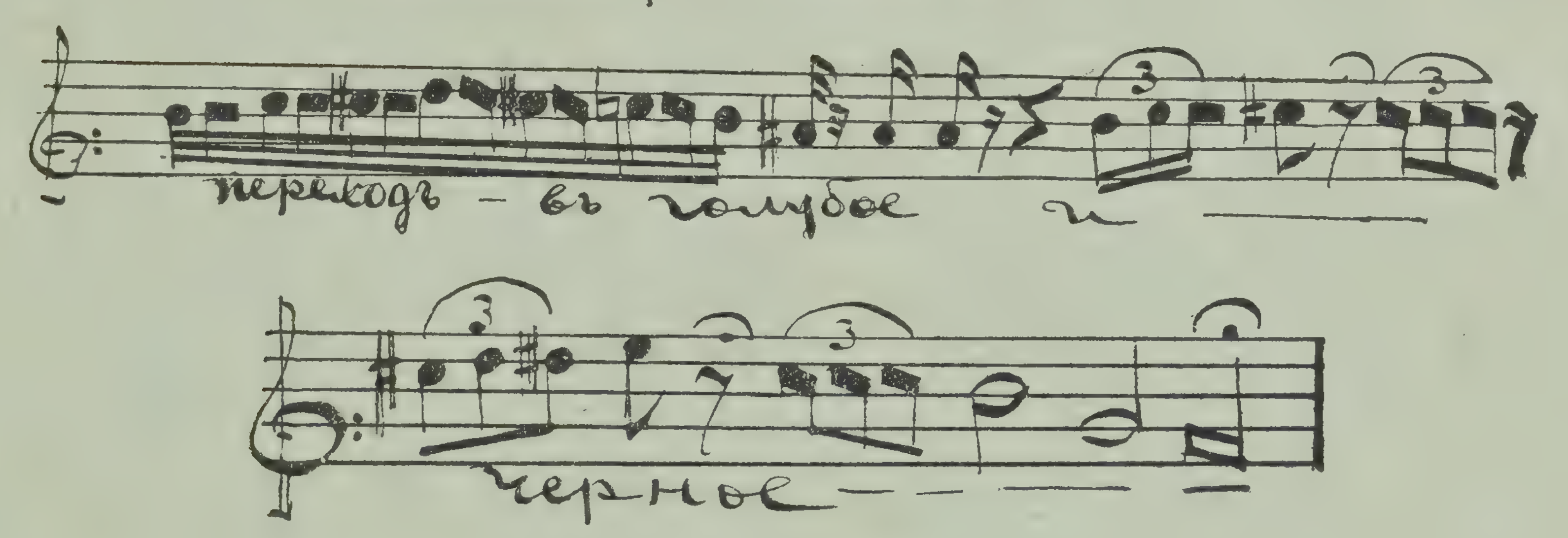
Текстъ А. Крученыхъ.

Музыка М. Матюшина.

Ноты Будетлянскія

Музыка Матюшина.

Викторъ Хлѣбниковъ.

Отчетъ о засѣданіи Кикапу-р-но-художественнаго кружка.

Здѣсь почтенный аршинъ
Шелъ съ высокихъ вершинъ,
Подаетъ посошокъ
Непочтенный вершокъ.
Ахъ, бушменскимъ красавицамъ
Нравится,
Чтобы ротъ ихъ былъ проколотымъ,
То угодно небесамъ.
Такъ и рѣчь моя плясавица
По чужимъ ушесамъ
Словъ заморскихъ грубымъ молотомъ.
Лицо съ печальной запятой
Сѣро остро и испитое
Щеки тоще деревянныя,
Въ бровяхъ плошки оловянныя,

Таковъ король, пускай онъ тощъ,
А тощъ онъ потому,
Что на болотѣ скудный хвощъ...
— Повсюду день гласитъ уму...
Тотъ и этотъ столбецъ
Ты смѣшай словаря
И дадутъ бубенецъ
Дадутъ плащъ короля...
Мы хлопали немножко,
Мы хлопали-бъ ей-ей,
Хотя бъ скакала блошка
Въ одеждѣ королей...
Въ немъ нѣтъ души,
Но есть духи,
Замѣтилъ кто-то...

ХАДЖИ-ТАРХАНЪ.

Гдѣ Волга прянула стрѣлою
На хохотъ моря молодого
Гора Богдо своей чертою
Темнѣетъ взору рыболова

Слово пѣсни кочевое
Слуху путника разскажетъ:
Былъ уроненъ холмъ живой,
Уронилъ его святой,
— Холмъ, одинъ пронзившій пажить!
А имя, что носитъ святой,
Давно уже краемъ забыто.
Высокій и синій, боками крутой
Пріютъ соколинаго мыта!
Стоитъ онъ, синѣя травой,
Надъ прадѣдовъ славой курганъ.
И подвигъ его и донынѣ живой
Пропѣлъ кочевникъ мальчуганъ.
И псовъ голодающихъ вторитъ ей вой
Какъ скатерть желтая, былъ голъ
Отъ бури синей сирый край.
По ней верблюдъ, качаясь, шелъ
И стрепетовъ пожары стай.
Стоитъ верблюдъ сутулъ и длиненъ
Косматъ, съ чернѣющимъ хохломъ
Здѣсь люда нѣтъ; здѣсь край пустыненъ
Трепещутъ ястребы крыломъ.
Темнѣетъ степь; вдали хурулъ
Чернѣетъ темной своей кровлей

И городъ спитъ и миръ заснулъ,
Уставъ разгуломъ и торговлей.
Какъ вѣетъ миромъ и язычествомъ
Отъ этихъ дремлющихъ степей
Божествъ морскихъ могилъ величествомъ
Будь пьянымъ путникъ пой и пей.
Табунъ скакалъ, лелѣя гривы
Его вожакъ шелъ впереди.
Летитъ какъ чайка на заливы
Волнуя снѣжные извивы
Ужъ исчезающій вдали.
Ахъ вѣчный споръ горы и Магомета,
Кто святъ, кто чище и кто лучше.
На чьемъ челѣ коранъ завѣта
Чьи брови гнѣвны точно тучи.
Гора молчитъ лаская тишь.
Тамъ только голубь сонный несся
Отсель урокъ: ты самъ слетишь,
Желая сдвинуть сонъ утеса.
Но звукъ печально горловой
Рождая ужасъ и покой
Несется съ каждою зарей.
Какъ знакъ: здѣсь отдыхъ; путникъ, стой!
И на голубые минареты

Присядетъ стрижъ съ землей на лапахъ
А съ нимъ любви къ инымъ совѣты
И восковыхъ куреній запахъ
Столбы съ челомъ цвѣточнымъ Рима
Въ пустынѣ были бы красивы.
Но рѣдкой радугой любима
Она въ пескѣ хоронитъ ивы.
Другую жизнь узналъ тотъ уголъ,
Гдѣ смотритъ Африкой Россія.
Изгибъ бровей людей гдѣ кругомъ
А отблескъ лицъ и чистъ и смуголъ
Гдѣ дышитъ въ башняхъ Ассирія.
Мила, мила намъ Пугачевщина,
Казакъ съ серьгой и темнымъ ухомъ.
Она знакома намъ по слухамъ.
Тогда воинственно ножевщина
Боролась съ нѣмцемъ и треухомъ.
Ты видишь городъ стройный, бѣлый,
И видъ приволжскаго кремля?
Тамъ кровью полита земля,
Тамъ старецъ брошенъ престарѣлый
Набату страшному внемля.
Уже не рѣютъ кумачи
Надъ синей влагою гусей.

Про смерть и гибель трубача
Они умчались отъ людей.
И Волги бѣгъ забылъ привычку
Носить разбойниковъ суда
Священный кличъ «сарынь на кичку»
Здѣсь не услышатъ никогда.
Но вновь и вновь зеленый валъ
Старинной жаждой моря выпитъ
Кольцомъ осоки закрывалъ
Рукавъ рѣки морской Египетъ.
Въ святыхъ дубравахъ Прометея
Сѣдые смотрятся олени.
Въ зеркалахъ моря сиротѣя
Съ селедкой плаваютъ тюлени,
Сквозь русскихъ въ Индію въ окно
Возили ружья и зерно
Купца суда. Теперь ихъ нѣтъ.
А внуку врагъ и божій свѣтъ.
Ликъ его помню суровый и бритый
Стада Ладей пастуха.
Умеръ ужъ онъ; его скрыли ужъ плиты,
Итоги изъ камня и грезъ и грѣха.
Помню я свѣтъ отсырѣвшей божницы
Тамъ жабы печально рѣзвились!

И надпись столѣтій въ камней плащаницѣ!
Смущенный, наружу я вышелъ и вылѣзъ
А ласточки бѣшено въ воздухѣ вились.
У усыпальницы предковъ гробницы.
Чалмы зеленыя толпой
Здѣсь бродятъ въ праздникъ мусульманъ.
Чтобъ предсказалъ клинокъ скупой
Коней отмщенья водопой
И месть гяуру (радость ранъ)
Казаки стражъ игла Сумбеки
Тамъ лились слезъ и крови рѣки.
Тамъ голубь теменемъ курчавъ
Своихъ друзей опередилъ
И падалъ на землю стремглавъ.
Полетъ на облакѣ чертилъ.
И, отраженъ спокойнымъ тазомъ,
Давалъ ума досугу разумъ.
Мечеть и храмъ несетъ низина
И видишь скорбь въ удѣлѣ нашемъ
Красивъ и дикъ, зовъ муедзина
Зоветъ народы къ новымъ кашамъ.
Съ булыжникомъ тамъ бѣлена
На площади ясной дружила.
И башнями стройно стѣна

И городъ и холмъ окружила.
И туча стрѣлъ неслась не разъ.
Невѣстъ возстанье было разъ
Чу! слышенъ плачъ и станъ княжны
На рукахъ гнется, лиходѣя.
Сосѣди радостью полны
И подъ водою блещетъ шея.
И помнитъ точно лѣтописецъ
Сіи труды на радость злобы.
И гибель многихъ вольныхъ тысячъ
И быстро скованные гробы
Настала красная пора
Въ низовьяхъ мчащагося Ра.
Война и мечъ, вы часто толко мячъ,
Лаптою занятыхъ морей
И волненья воля, ты отрокъ удачъ
Бросая на сѣверъ мячъ гнѣва полей.
Насъ переженятъ на нѣмкахъ, клянусь
Востокъ надѣлъ вѣнокъ изъ заревъ
За честь свою возстала Русь
И тройку рѣкъ копьемъ ударя
Стоялъ соперникъ государя.
Замѣтимъ кратко: Ломоносовъ
Былъ посланъ моремъ Ледовитымъ

Спасти рожденъ великороссовъ
Быть родомъ разумомъ забытымъ.
Но что жъ! забывъ его вѣнокъ
Кричимъ гурьбой: падамъ до ногъ.
И въ звукахъ имени Хвалынскаго
Живетъ до нынѣ смерть Волынскаго.
И скорбь безглавыхъ похоронъ
Таится въ пѣсни тѣхъ сторонъ.
Ты видишь степь: скрипитъ телѣга,
Пѣсня лебедя слышна,
И живая смерть Олега
Вѣщей юности страшна.
Съ косой двойною, богъ скота
Кого стада вскормили травы,
Стоитъ печально. Все тщета!
Куда ушли, столѣтья славы?
Будь неподвижною сѣвера ось,
Какъ остовъ небеснаго судна.
Въ бурю родились, плывемъ на-авось,
Смотримъ загадочно, грозно и чудно.
И свѣтелъ намъ ликъ въ небѣ брошенныхъ писемъ
Любимъ мы ужасъ, вой смерча и грѣхъ.
Какъ знамя мы молодость въ бурю возвысимъ
Рукой огневою начертимъ мы смѣхъ.

Ахъ мусульмане тѣ же русскіе
И русскимъ можетъ быть Исламъ.
Милы, глаза, немного узкіе.
Какъ чуть открытый ставень рамъ.
Что дѣлать мнѣ, мой грѣшный ротъ?
Ужъ вы не тѣ, ужъ я не тотъ!
Казакъ сдувалъ съ меча пылинку,
На лезвіе меча дыша.
И на убогую былинку.
Молилась Индіи душа.
Когда осаждался тотъ городъ рѣкой
Онъ съ него боролся мѣшками съ мукой
Запрятавъ въ брови взоры синіе,
Исполненъ спѣси и унынія
Верблюдъ угрюмъ неразговорчивъ
Стоитъ подсмѣшкой губы скорчивъ
И какъ пустыя рукавицы
Хохлы горба его свисаютъ
Съ деньгой серебрянной дѣвица
Его за поводъ потрясаетъ.
Какъ много просьбъ къ друзьямъ встревоженнымъ
Въ глазахъ торгующихъ мороженнымъ!
Прекрасенъ въ рубищахъ ихъ вырѣзъ.
Но здѣсь когда-то былъ Озирисъ.

Тотъ городъ, онъ море стерегъ!
И впрямь, онъ, былъ моря столицей.
На Ассирію башенъ намекъ,
Околицы съ сельской станицей.
И къ бѣлымъ и яснымъ ночнымъ облакамъ
Высокій и бѣлый возносится храмъ,
Съ качнувшейся чуть колокольней.
Онъ звалъ быть земное довольнѣй.
Въ стволахъ садовъ, гдѣ зрѣетъ лохъ,
Слова любви скрываетъ мохъ.
Надъ одинокою гусяной
Широкій парусъ, трепеща,
Наполненъ свѣжею моряной
Везетъ грузъ воблы и леща,
Водой тотъ городъ окруженъ
И въ немъ имѣютъ общихъ женъ.

НИКОЛАЙ.

Странное свойство случая! оно проводитъ васъ равнодушнымъ мимо того, чему присвоено имя страшнаго, и, наоборотъ, вы ищете глубины и тайны за ничтожнымъ случаемъ. Я шелъ по улицѣ и остановился, видя собирающуюся толпу около грузовыхъ подводъ. Что здѣсь такое? спросилъ я случайнаго прохожаго. «Да вотъ» отвѣтилъ тотъ, смѣясь. Въ самомъ дѣлѣ въ гробовой тишинѣ старый вороной конь мѣрно ударялъ копытомъ объ мостовую. Другіе кони прислушивались, глубоко поникнувъ головами, молчаливые, неподвижные. Въ стукѣ копытомъ слышалась мысль, прочитанный рокъ и приказаніе и остальные кони, понурясь, внимали. Толпа быстро собиралась пока грузчикъ не вышелъ откуда-то, не дернулъ коня за поводъ и не поѣхалъ дальше. Но старый вороной конь, глухо читающій судьбу и старые понуренные товарищи остались въ памяти.

Невзгоды странствовательной жизни окупаются волшебными случаями. Къ такимъ я отношу встрѣчу съ Николаемъ. Если бы вы встрѣтили его, вы бы вѣроятно не обратили вниманія. Только немного смуглый лобъ и подбородокъ выдали бы его. И слишкомъ честно, ничего не выражающіе глаза, могли бы вамъ сказать, что передъ вами равнодушный и скучающій среди людей охотникъ.

Но это была одинокая воля, имѣвшая свой путь и свой конецъ жизни.

Онъ не былъ съ людьми. Онъ походилъ на усадьбы, заборомъ отгороженныя отъ дороги, заборомъ повернутыя къ проселку.

Онъ казался молчаливымъ и простымъ, осторожнымъ и необщительнымъ.

Его нравъ казался даже бѣднымъ. Въ хмѣлю онъ становился грубъ и дерзокъ съ своими знакомыми, назойливо требовалъ денегъ но, странно? испытывалъ приливъ нѣжности къ дѣтямъ, не потому ли что это были пока еще не люди? Эту черту я знавалъ и у другихъ. Онъ собиралъ вокругъ себя дѣтвору и на всю мелочь, которой владѣлъ, покупалъ имъ убогія сласти, баранки, пряники, которыми украшены лари торговокъ. Хотѣлъ ли онъ сказать: «смотрите люди. такъ поступайте съ другими, какъ я съ ними» но, такъ какъ эта нѣжность не была его ремесломъ, на меня его молчаливая проповѣдь оказывала большое дѣйствіе, чѣмъ проповѣдь иного учителя съ громкой и всемірной славой. Какую то простую и суровую мысль выражали тогда его прямые глаза.

А впрочемъ, кто прочтетъ душу нелюдимаго сѣраго охотника? суроваго гонителя вепрей и дикихъ гусей? Мнѣ вспоминается по этому поводу суровый приговоръ надъ всей жизнью одного умершаго татарина, который оставилъ предсмертную записку съ краткой, но привлекающей вниманіе надписью: «плюю на весь міръ».

Татарамъ онъ казался отступникомъ отъ вѣры, измѣнникомъ, а русскимъ властямъ опасной горячей головой. Признаюсь я не разъ хотѣлъ дать подпись подъ эту записку, указанную равнодушіемъ и отчаяніемъ. Но эта молчаливая выставка свободы отъ желѣзныхъ законовъ жизни и ея су-

ровой правды, этотъ орѣшникъ собирающій у своего подножія полевые цвѣты, все таки глубокая черта; въ нихъ скрывалась простая и суровая мысль, хранимая его, не смотря ни на что честными глазами.

Въ одномъ старомъ альбомѣ, которому много лѣтъ, среди выцвѣтшихъ сгорбленныхъ старцевъ съ звѣздой на груди, среди жеманныхъ пожилыхъ женщинъ, съ золотой цѣпью на рукѣ, всегда читающихъ раскрытую книгу, вы могли бы встрѣтить и скромное желтое изображеніе человѣка съ чертами лица мало замѣчательными, прямой бородой, и двустволкой на колѣняхъ; простой проборъ раздѣлялъ волосы.

Если вы спросите, кто это поблекшая выцвѣтшая свѣтопись, вамъ кратко отвѣтятъ, что это Николай. Но отъ подробныхъ объясненій навѣрное уклонятся. Легкое облачко на лицѣ говорившаго вамъ укажетъ, что къ нему относились не какъ къ совершенно постороннему человѣку.

Я зналъ этого охотника. Къ людямъ вообще можно относиться какъ къ разнымъ освѣщеніямъ одной и той же бѣлой головы съ бѣлыми кудрями. Тогда безконечное разнообразіе представитъ вамъ созерцаніе лба и глазъ въ разныхъ освѣщеніяхъ, борьба тѣней и свѣта на одной и той же каменной головѣ, повторенной и старцами и дѣтьми, дѣльцами и мечтателями, безконечное число разъ.

И онъ, конечно, былъ лишь однимъ изъ освѣщеній этого

бѣлаго камня съ глазами и кудрями, но можетъ ли кто-нибудь не быть имъ?

Про его охотничьи подвиги многое разсказывали. Когда его просили принесть звѣря, онъ, отличавшійся молчаливостью, спрашивалъ сколько и исчезалъ. Богъ вѣдаетъ какими судьбами, но онъ появлялся и приносилъ, что ему заказывали. Кабаны знали его, какъ молчаливаго и страшнаго врага.

Черни, это мѣсто, гдѣ изъ мелкаго моря растетъ камышъ, были имъ изучены превосходно. Кто знаетъ, если бы можно было проникнуть въ душу пернатаго міра, населяющаго устье Волги, какимъ образомъ былъ запечатлѣнъ въ немъ этотъ страшный охотникъ. Когда они оглашали стонами пустынный берегъ, не слышалось ли въ ихъ рыданіяхъ, что челнъ Птичей Смерти снова присталъ къ берегу. Не грознымъ ли существомъ съ потусторонней властью казался онъ имъ съ двустволкой за плечами и въ сѣромъ картузѣ?

Немилостивое грозное божество появлялось и на уединенныхъ пескахъ бѣлая или черная стая долгими криками оглашала смерть своихъ товарищей. Впрочемъ, въ этой душѣ былъ уголокъ жалости: онъ всегда щадилъ гнѣзда и молодыхъ, которые знали лишь его удаляющійся шагъ.

Онъ былъ скрытъ и молчаливъ, чаще неразговорчивый и только тѣ, которымъ онъ показывалъ краешекъ своей души, могли догадаться, что онъ осуждалъ жизнь и зналъ «презрѣніе дикаря» къ человѣческой судьбѣ въ ея цѣломъ. Впрочемъ, это состояніе души можно лучше всего понять, если сказать, что такъ должна была осуждать новизну душа «природы», еслибъ она черезъ жизнь этого охотника должна была перейти изъ міра «погибающихъ» въ міръ идущихъ на смѣну, прощальнымъ окомъ окинувъ мятели утокъ, безлюдье, міръ пролитой по морю крови красныхъ гусей, перейти въ страну бѣлыхъ каменныхъ свай, вбитыхъ въ русло, тонкихъ кружевъ желѣзныхъ мостовъ, городовъ муравейниковъ, сильный, но нелюбезный сумрачный міръ!

Онъ былъ простъ, прямъ, даже грубовато суровъ. Онъ былъ хорошей сидѣлкой, ухаживая за больными товарищами, а въ нѣжности къ слабымъ и готовности быть ихъ щитомъ ему могъ бы завидовать средневѣковый латникъ въ шлемѣ съ перомъ.

На охоту онъ отправлялся такъ: онъ садился въ бударку, гдѣ его ждали двѣ выняньченныя имъ собаки, и спускался внизъ, прикрѣпивъ парусъ къ мушкѣ, то бичевой, то веслами. Надо сказать, что на Волгѣ есть коварный вѣтеръ, который налетаетъ съ берега среди полной тишины и перевертываетъ неосторожнаго рыбака, несумѣвшаго распутать парусъ.

На мѣстѣ лодка поворачивалась вверхъ дномъ, служа кровлей, втыкались желѣзные прутья и у костра начинались охотничьи сутки до ухода на вечерянку. Умныя молчаливыя

собаки были вскормлены на лодкѣ, въ которую впитались запахи всей водящейся на Волгѣ дичи; черные бакланы и матерая нога кабана лежали здѣсь вмѣстѣ съ стрепетами и дропами.

Тихо завываютъ волки; «это они собираются», «это они уходятъ».

Его желаніемъ было умереть вдали отъ людей, въ чемъ онъ сильно разочаровался. Онъ бродилъ среди людей, отрицая ихъ. Жестокій по ремеслу, онъ сжился съ гонимыми не людьми, къ которымъ являлся какъ жестокій князь, несущій смерть, но въ поединкѣ люда и не люда становился на ихъ сторону. Такъ «Мельниковъ», преслѣдовавшій раскольниковъ, все же написалъ «Въ горахъ и лѣсахъ».

Да его иначе нельзя представить, какъ Птичьяго Перуна, жестокаго, но вѣрнаго своимъ подданнымъ и уловившаго въ нихъ какую-то красоту.

У него были люди, которыхъ онъ могъ назвать друзьями, но чѣмъ болѣе его душа оставляла свою «раковину», тѣмъ сильнѣе равенство двухъ властно нарушалъ онъ въ свою пользу; онъ становился высокомѣренъ, и дружба походила на временное перемиріе между двумя враждующими. Разрывъ происходилъ изъ-за малѣйшаго случая, тогда онъ бросалъ взоръ, говорившій «нѣтъ, ты не нашъ», и дѣлался сухъ и чуждъ.

Немногимъ было ясно, что этотъ человѣкъ собственно не

принадлежитъ къ люду. Съ задумчивыми глазами, съ молчаливымъ ртомъ, онъ уже два или три десятка лѣтъ былъ главнымъ жрецомъ въ храмѣ Убійства и Смерти. Между городомъ и пустыней тѣ же оси, та же разница, какая между чертомъ и бѣсомъ. Умъ начинается съ тѣхъ поръ, когда умѣютъ дѣлать выборы между плохимъ и хорошимъ. Охотникъ сдѣлалъ этотъ выборъ въ пользу бѣса, великаго безлюдья. Онъ твердо заявилъ желаніе не быть похороненнымъ на кладбищѣ; отчего онъ не хотѣлъ тихаго креста? былъ ли онъ упорный язычникъ? и что ему разсказала книга, которую прочелъ только онъ и никто ужъ не прочтетъ ея пепла?

Но смерть не шла наперекоръ его желаніямъ.

Разъ мѣстный листокъ напечаталъ замѣтку, что въ урочищѣ извѣстномъ мѣстнымъ жителямъ подъ именемъ «Конская застава», найдены лодка и тѣло неизвѣстнаго человѣка. Было добавлено, что рядомъ валялась двустволка. Такъ какъ это былъ годъ Черной Смерти и суслики, миловидныя животныя степи, падая во множествѣ, заставляли сниматься съ кочевій кочевниковъ и въ страхѣ бѣжать, и такъ какъ охотникъ уже недѣлю пропадалъ сверхъ срока, то люди, знавшие его, послали на развѣдки, охваченные тревожнымъ ожиданіемъ и недобрымъ предчувствіемъ. Развѣдчики, возвратясь, подтвердили, что охотникъ умеръ. Со словъ рыбаковъ они разсказали слѣдующее.

Уже нѣсколько ночей на ватагу, основанную на пустынномъ островѣ, по ночамъ приходила неизвѣстная черная собака и, останавливаясь передъ избою, глухо выла. Ни побои, ни крики на нее не дѣйствовали. Ее отгоняли, предчувствуя, что значитъ посѣщеніе на необитаемомъ островѣ черной неизвѣстной собаки.

Но она неизмѣнно приходила въ слѣдующую ночь, жуткая воющая, отравляя сонъ рыбакамъ.

Наконецъ, сердобольный стражникъ вышелъ къ ней навстрѣчу: она радостно визгнула и повела его къ опрокинутой лодкѣ; вблизи съ ружьемъ въ рукѣ лежалъ совершенно исклеванный птицами человѣкъ, съ мясомъ, сохранившимся только въ сапогахъ. Облако птицъ кружилось надъ нимъ. Вторая собака полумертвая лежала у его ногъ.

Умеръ онъ отъ лихорадки или отъ чумы неизвѣстно. Волны мѣрно ударяли въ берега.

Такъ онъ умеръ, исполнивъ свою странную мечту найти конецъ вдали отъ людей.

Но друзья надъ его могилой все-таки поставили скромный крестъ. Такъ умеръ волкобой.

ОХОТНИКЪ УСА-ГАЛИ.

Уса-гали воспитывалъ соколовъ, охотился, а при случаѣ занимался разбоемъ. Если его уличали, онъ добродушно спрашивалъ, «а развѣ нельзя?» думалъ, можно? Увидѣвъ спящаго жаворонка въ степи, Уса-гали ползетъ къ нему и прижимаетъ его за хвостъ къ землѣ; птица просыпается въ плѣну. Орелъ сидитъ на стогу. Гали подкрадывается къ стогу съ длинной петлей. Орелъ зорко смотритъ на волосяной обручъ. Полный подозрѣній онъ подымается на ноги, готовый улетѣть, но ужъ виситъ ударяя черными крыльями, хлопая ими и крича. Уса-гали выбѣгаетъ изъ-подъ стога и за веревку тянетъ бѣднаго князя воздуха чернаго плѣнника съ желѣзными когтямм: его крылья въ размахѣ достигаютъ сажени. Гордый онъ ѣдетъ по степи. Орелъ долго будетъ жить въ плѣну, раздѣляя пищу съ овчарками. Разъ, во время погони, цѣлая вереница всадниковъ окружила его. Гали напрасно рыскалъ на своемъ конѣ въ срединѣ облавы. Что же онъ дѣлаетъ? Онъ повернулъ коня и поскакалъ къ одному изъ всадниковъ. Тотъ нерѣшительно ставитъ коня бокомъ. Гали свистнулъ плетью и добрый конь, оглушенный страшнымъ ударомъ въ лобъ, упалъ на колѣни. Уса-гали ускакалъ. Это былъ лихой ударъ, вызвавшій конскій обморокъ. Въ степи долго помнили лопнувшую подпругу на оглушенномъ конѣ и примятаго всадника. Въ то время чумаки ѣздили обо-

зами, покрывая возы отъ непогоды цѣльнымъ войлокомъ. Волы идутъ двигая вѣчно мокрыя черныя губы, отмахиваясь отъ мухъ. Были охотники подкрасться къ чумакамъ, на скаку сунуть подъ колѣно конецъ войлока и умчаться съ нимъ въ степь. Тогда остроумные чумаки привязали войлокъ къ обозу очень длинной веревкой. Уса-гали такъ и сдѣлалъ.

Но едва веревка кончилась, онъ сильнѣйшимъ толчкомъ былъ сброшенъ на землю, сломавъ руку. Чумаки подбѣжали и на славу выместили свои обиды. «Будетъ?» спрашивали они его. «Будетъ, батька, будетъ!» отвѣчалъ онъ тихо. Это удовольствіе стоило ему нѣсколькихъ реберъ.

Плетью, которая есть близкій родичъ сѣвернаго кистеня, онъ умѣлъ владѣть превосходно, то-есть по киргизки, пользуясь ею на волчьихъ охотахъ. Настойчивѣе борзой ручные орлы, преслѣдуя въ степи волка, доводятъ его до состоянія, бѣшенства и равнодушія ко всему.

Послушный иноходецъ прибавлялъ ходу и Гали, наклонившись съ сѣдла, своимъ кистенемъ приканчивалъ изнемогающаго въ неравномъ спорѣ звѣря. Бѣдные бирюки!

Разъ его застали важно гнавшимъ хворостиной цѣлое стадо дрофъ.

«Уса-гали, ты что дѣлаешь?»—«Крылья подмерзли, мало-мало продаю ихъ»,—равнодушно отвѣчалъ онъ. Это было во время гололедицы.

Таковъ Уса-гали. Бѣлый конь пасется у стоянки. Стая витютней наносится вѣтромъ. Лебеди блеснули въ глубокой синевѣ неба какъ край другого міра. Бѣлые стрепеты пасутся на песчаномъ бугру. Витютни, сидѣвшіе въ травѣ, вдргуъ срываются и уносятся. Разсказы, журчитъ бесѣда. Начинается вечерянка.

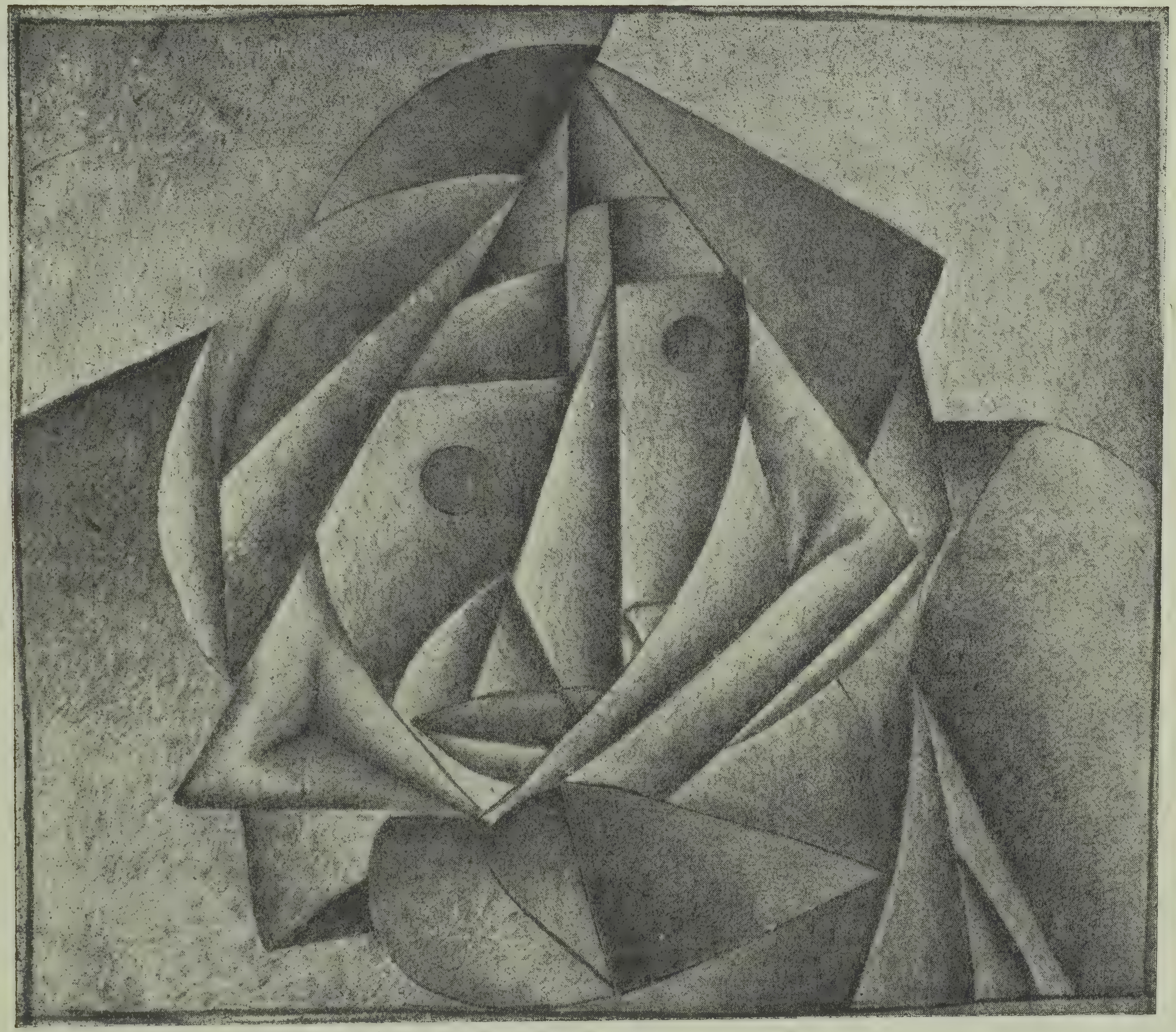
Между тѣмъ гуси, своимъ узоромъ раздѣлившіе небо пополамъ, вытягиваются въ тонкую полосу. Стая, похожая на воздушнаго змѣя, гдѣ-то далеко теряется безконечной нитью, можетъ быть облегчая полетъ. Гуси перекликаются и снова перестраиваются, какъ темный млечный путь. Между тѣмъ прибавился вѣтеръ и сильнѣе закачалось гнѣздо ремеза, похожее на теплую рукавицу, подвѣшенную къ ивѣ. Лунь, весь черный, съ красивымъ серебряннымъ теменемъ, проносится мимо.

Вороны и сороки радуютъ, какъ хорошая примѣта.

Слышите?—разсказываютъ про плѣнную турчанку: она выходила въ поле, ложилась, прикладывала голову къ землѣ и, когда ее спрашивали, что она дѣлаетъ, она отвѣчала. «Я слушаю, какъ на небѣ служатъ обѣдню. Хорошо какъ!» Русскіе стояли кругомъ. Здѣсь же Уса-гали, въ сторонѣ, что-то скромно ѣстъ. Онъ былъ хорошій степной звѣрь. Урусъ построилъ пароходы, урусъ провелъ дорогу и не замѣчаетъ другой степной жизни. Невѣрный урусъ, гяуръ-урусъ. Если вы прислушивались къ голосамъ дикихъ гусей, не слышали-ли вы:

«Здравствуй! долженствующіе умереть, привѣтствуютъ тебя!»

Елена Гуро.

* * *

Какъ мать закутываетъ шарфомъ горло сына,—такъ я слѣдила вылетъ кораблей вашихъ гордыя, гордыя созданія весны!

Не хотимъ нѣжиться—хотимъ пересиливать, мастеровые купили-бы семячекъ,—купимъ—чѣмъ мы лучше? Уныла брезгливость и связываетъ!

Г-нъ поэтъ! ты уронишь за бортъ записную книжку!

Яхта вылетѣла въ море. Въ морѣ мы увидали вдругъ черное брюшко,—такъ и легло... и повернули такъ ловко, что она лососинкой стала крылатой... Играла въ волнахъ не могла натѣшиться—опять и опять!

А волны были порядочныя!

Раздружимся?.. Не вѣрно, вѣдь мы попутчики,—буря за нами,—впереди весна!..

Насъ раскачало и взбросило высоко.

Разлука только для тѣхъ, кто остался сидѣть трусливо... Вмѣ-

стѣ куда-то летѣть и прянуть и захлебнуться въ блестящихъ брызгахъ...

Вмѣстѣ, заразъ!..

А навстрѣчу дулъ свѣжій вѣтеръ и благоухали лиственницы.

На выставкѣ нашихъ публика хохотала! «Прекрасно! прекрасно!.. Кончите скоро свою драму?.. Вѣримъ въ кредитъ! вѣримъ!..» «Вчера со взморья насилу вернулись, волны били, вѣтеръ пищалъ комаромъ въ волосахъ—смерть! смерть!..» «Прекрасно! прекрасно!» публика хохотала.

И сіяли лиственницы весной!..

ФИНЛЯНДІЯ.

Это-ли? Нѣтъ-ли?
  Хвои шуятъ,—шуятъ
Анна—Марія, Лиза,—нѣтъ?
  Это-ли?—Озеро-ли?

Лулла, лолла, лалла-лу,
  Лиза, лолла, лулла-ли.
  Хвои шуятъ, шуятъ,
ти-и-и, ти-и-у-у.

  Лѣсъ-ли,—озеро-ли?
Это-ли?

  Эхъ, Анна, Марія, Лиза,
Хей-тара!
  Тере—дере—дере... Ху!
Холе-кулэ-нэээ.

  Озеро-ли?-Лѣсъ-ли?
Тио-и
  ви-и... у.

Стихли подъ весеннимъ солнцемъ доски,
движеніе краснымъ восклико мъ мчалось.
Бирко—Сѣверъ сталъ кирпичный,—берегъ не нашъ!
Ты еще надѣешься исправиться, заплетаешь косу,
а во мнѣ солнечная буря!
Трамвай, самоваръ, семафоръ
Нордъ-Вестъ во мнѣ!
Веселая буря, не побѣдишь,
не побѣдишь меня!..
Подъ трамомъ дрожатъ мостки.
Въ Курляндіи пивной заводъ,
и дѣвушка съ черными косами.

ШАЛОПАЙ.

Финскія мелодіи.

Ахъ, деньки деньки маются!
Кто, ихъ по вѣтру раскидалъ?
— Полоумный!
Да никто, никто умный
мои денечки не подобралъ.
И не подберетъ,
и не принесетъ,
къ моей мамѣ.
Мама, мама, мамочка—Не сердись—
я на дняхъ денечки то подберу
я на море свѣтлое за ниму побѣгу.
И я морю скажу, отдай—
Я веселый!
Я ихъ мамѣ обѣщалъ моей суровой
Моя мама строгая;—точь въ точь
я, какъ день—она какъ ночь!
. . . .
— Подойди, подойди близенечко,
мой сынокъ,
проваландался маленько—маленечко

мой денекъ, мой денекъ.
Подошелъ, приласкался нѣжненечко
на часокъ, на часокъ.
У меня сердечко екнуло,
мой сынокъ, мой сынокъ.
У меня изъ рукъ плетка выпала
онъ смѣется—дружокъ:
пролѣнился я маленько. Да, маленько-маленечко
мой денекъ.

ИЗЪ СЛАДОСТНЫХЪ.

Миніатюры.

Вѣнокъ весенних розъ
Лежитъ на розовомъ озерѣ.
Вѣнокъ призрачныхъ горъ
За озеромъ.

Шлейфомъ задѣла фіалки
Бѣлоснѣжность жемчужная
Лиловаго бархата на лугу
Зелени майской.

О мой достославный рыцарь!
Надѣюсь, побѣдой иль кровью
Почтите имя дамы!
Съ коня вороного спрыгнулъ,
Склонился пока повяжетъ

Нѣжный узоръ «Эдита»
Бисеромъ или шелкомъ.
Слѣдъ пыльной подошвы
на концѣ покрывала.
Колючей шпорой ей
разорвано платье.

Господинъ супругъ Вашъ ѣдетъ,
Я вижу рѣютъ перья надъ шлемомъ
И лаютъ псы на сворахъ.
Прощайте дама!

Въ часъ турнира сверкаютъ ложи.
Лѣсъ копій истомленный,
Точно лѣсъ мачтъ побѣдныхъ.
Штандарты пляшутъ въ лазури
Пестрой улыбкой.

Всѣ глаза устремились впередъ
Чья то ручка въ волненіи
машетъ платочкомъ.
Помчались единороги въ попонахъ большеглазыхъ,
Опущены забрала, лязгнули копья съ визгомъ,
Съ арены пылью красной закрылись ложи.

Строгая злая Королева
распускаетъ вороньи во-
лосы и поетъ:
Ты мнѣ зеркальце скажи
Да всю правду доложи
Кто меня здѣсь милѣе

* * *

Нора, моя Бѣлоснѣжка,
Нора, мой снѣжный цвѣтикъ,
Мой облачный барашекъ.
Охъ ты, снѣжная королева,
Облачное руно,
Нѣжное перышко,
Ты, горный эдельвейсъ,
Нора, моя мерцающая волна,
Нора мой сладко мерцающій сонъ!
...Ахъ, строгая Королева, не казни меня,
Не присуждай меня къ смерти!
Мое снѣжное облако,
Моя снѣжная сказка,
Эдельвейсъ съ горы
Много милѣе тебя!

МОЕМУ БРАТУ.

Помолись за меня—ты
Тебѣ открыто небо.
Ты любилъ маленькихъ птичекъ
И умеръ замученный людьми.
Помолись обо мнѣ тебѣ позволено
чтобъ-бъ меня простили.
Ты въ своей жизни не виновенъ въ томъ —
въ чемъ виновна я.
Ты можешь спасти меня.
помолись обо мнѣ.

. . . .

Какъ рано мнѣ приходится не спать,
оттого, что я печалюсь.
Также я думаю о тѣхъ,
кто на свѣтѣ въ чудакахъ,
кто за это въ обидѣ у людей,
позасунуты въ уголкахъ—озябшіе безъ ласки,
плетутъ неумѣлую жизнь, будто бредутъ
длинной дорогой безъ тепла.
Заглядѣлись въ чужіе цвѣтники,
гдѣ насажены

розовенькіе и лиловенькіе цвѣты
для своихъ, для домашнихъ.
А все-же ихъ хоть дорога ведетъ—
идутъ, куда глаза глядятъ,
я—же и этого не смогла.
Я смертной чертой окружена.
И не знаю, кто меня обвелъ.
Я только слабѣю и зябну здѣсь.
Какъ рано мнѣ приходится не спать,
оттого, что я печалюсь.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ

Апетитъ выздоровлянскій
Сонъ,—колодцевъ бездонныхъ рядъ,
и осязать молчаніе буфета и печки часъ за часомъ.
Знаю, отозвали отъ распада тѣ, кто любятъ...
Вялыя ноги, размягченные локти,
Сумерки длинныя, какъ томленіе.
Тяжело лежитъ и плоско тѣло,
и желаніе слышать вслухъ двѣ-три
лишнихъ строчки,—чтобъ фантазію зажгли
такимъ безумнымъ, звучнымъ свѣтомъ...
Тѣло вялое въ постели непослушно,
Жизни блескъ полупонятенъ мозгу.
И безсмѣнный и зловѣщій въ томъ-же мѣстѣ
опять сталъ отблескъ фонаря......
. . . .
Опять въ путаницѣ безконечныхъ сумерекъ...
Бредовыя сумерки,
Я боюсь васъ.

СКРИПКА ПИКАССО.

Въ свѣтлой тѣни на мраморѣ трепетъ люстры.

Въ имени счастливаго полустрадальца, всю поднятость мученій на дощечкѣ съ золотымъ блескомъ чертъ выразило королевство тѣни нервными углами.

И длинный корпусъ музыканта, вырѣзанный втянутымъ жилетомъ, былъ продолженіемъ и выгибомъ истомленнаго грифа. Изворотикомъ геніальнымъ скрипки очаровано скрытое духа и страна бѣлыхъ стѣнъ, и насталъ туманъ бѣлой музыки и потонувшее въ міръ нѣмоты, уводящее изъ вещей.

Избалованный страдалецъ съ лицомъ изсиня блѣднымъ на диванѣ, простерши измученныя руки и протянувъ длинный подбородокъ къ свѣту.

И какъ онъ, почти умирали цвѣты въ хрустальномъ стаканѣ съ водой.

ЛѢНЬ.

И лѣнь.

Къ полдню стала теплень.

На пруду сверкающая шевелится

Шевелень.

Брилліантовыя скачутъ искры.

Чуть звенится.

Жужжитъ слѣпень.

Надъ водой

Ростинкамъ лѣнь.

НѢМЕЦЪ.

Сѣвъ на чистый пенекъ,
Онъ на флейтѣ пѣлъ.
Отъ смолы уберечься сумѣлъ.
— Я принесъ тебѣ душу, о, дикій край,
О, дикій край.
Еще послѣдній цвѣточекъ цвѣлъ.
И сочной была трава,
А смола натекала на нѣжный комъ земли.
Вечерѣло. Лягушки квакали
Изъ лужи вблизи.
Еще весенній цвѣточекъ цвѣлъ.
—Эдуардъ Иванычъ!
Управляющій не шелъ.
Нѣмца искали въ усадьбѣ батраки.
Лидочка бѣжала на новый балконъ
И мама звала: «Гдѣ-жъ онъ»?
Ужъ вечерѣетъ, надо поспѣть
Овчарню, постройки осмотрѣть.
Мама даже разсердилась:
«Да гдѣ-жъ онъ пропалъ»?!
Маминъ хвостикъ стружки зацѣплялъ.

Лидочка съ Машей, столкнувшись въ дверяхъ,
смѣялись надъ мамой—страхъ!
А въ косомъ лучѣ огневились стружки
И кустъ ольхи.
Вечерѣло, лягушки квакали
вдали, вдали.
— Эдуардъ Иванычъ!
Нѣмчура не шелъ.
Весенній цвѣточекъ цвѣлъ.

КОТЪ БОТЪ

Свѣтлая душа кота свѣтила въ комнатѣ.

У него былъ бѣлый, животненькій животикъ,

Душа была животненькая, маленькая, невинная, лукавая и со звѣриной мудростью. Потому лучистому старику захотѣлось научить говорить кота, или людей молчать и созерцать тайное...

* * *

Было дождливо. Котикъ куталъ мордочку лапками, куталъ, куталъ и превратился въ Куточку. Проснулись дѣти, видятъ на ихъ кровати лежитъ Куточка,—глазокъ одинъ не спитъ, хитрый, зеленый и тотъ въ плюшевую щелку ушелъ, лапы бархатными, катышковыми стали лепешками.

СЛОВА ЛЮБВИ И ТЕПЛА.

У кота отъ лѣни и тепла разошлись ушки.
Разъѣхались бархатные ушки.
А котъ раски—исъ...

На болотѣ качались бѣловатики.

Жилъ былъ

Б о т и к ъ—ж и в о т и к ъ:

Воркотикъ

Дуратикъ

Котикъ—пушатикъ.

Пушончикъ,

Бѣловатикъ,

Кошуратикъ—

П о т а с и к ъ...

КОТЪ ВАТЪ.

Наконецъ ты расцвѣлъ у меня большой, глупой, полевой ромашкой.

Я всегда себѣ желала такого.

Твой желтоватый мѣхъ пахнетъ солнцемъ,—

Ты--Богъ.

Ты - круглое, веселое, доброе солнце.

Ты—символъ вѣчной молодости.

Ты невозможно довѣрчивъ: сейчасъ же подставляешь для поцѣлуя круглый лобъ со священнымъ, бѣлымъ пятномъ и бодаешь крѣпко въ самыя губы цѣлующаго; ты дѣлаешь это такъ, чтобы не обдѣлить всѣхъ многихъ, жаждущихъ тебя, ты чувствуешь, что даришь.

О, Ты, восходящее солнце. Ты...

Твой мѣхъ пахнетъ солнцемъ, твой символъ,—гречневый круглый радостный блинъ.

Твое свѣтило—солнце, солнце...

Твой цвѣтокъ—ромашка съ крупной желтой серединкой.

Твой камень—топазъ.

Ты знаешь, ужасный объѣдало, какъ ты глупъ—невѣроятно, несбыточно глупъ.

Такая щедрая, царственная глупость могла быть удѣломъ только солнечнаго бога.

ТОЛОКНЯНКА.

Меня зовутъ Іюньская Роса.

Это маленькая розовая душа Іюньской жизни подъ соснами.

Ей нельзя не радоваться. Это такой малюсенькій, розовый, поникшій отъ счастья бокальчикъ, опрокинутый по двое на вилочкѣ вознесенной стройно ножки.

И чувство блаженства, и эльфовъ, и миніатюрности, и Іюньской вѣнчальной свѣжести, и счастья.

У нея розовый запахъ счастливаго миндаля,—и розовыя волны этого запаха волнуютъ внезапностью пока шагаешь мимо ободренными шагами по увѣнчанной тропинкѣ.

Это праздникъ Іюньской земли, ему нельзя не радоваться...

* * *

Дай мнѣ, дай мнѣ силу еще больше любить людей, землю—чтобы не дорожить моимъ—и чтобы быть сильной и богатой! И щедрой,—Боже, щедрой!..

ІЮНЬ.

Глубока, глубока синева.
Лѣсъ полонъ тепла.
И хвоя повисла упоенная
И чуть звенитъ
отъ сна.
Глубока глубока хвоя.
Полна тепла,
И счастья,
И упоенія,
И восторга.

ПОЛЕВУНЧИКИ.

Полевые мои Полевунчики,
Что притихли? Или невесело?
— Нѣтъ, притихли мы весело—
Слушаемъ жаворонка.

Полевые Полевунчики,
Скоро-ли хлѣбамъ колоситься?
— Рано захотѣла—еще не невѣстились.

Полевые Полевунчики,
Что вы на межѣ стоите—на межу поплевываете?
— Затѣмъ поплевываемъ, чтобъ изъ слюнокъ нашихъ гречка выросла.

Полевые Полевунчики,
что вы пальцами мой слѣдъ трогаете?
Мы слѣдки твои бережемъ, бережемъ,
а затѣмъ, что знаемъ мы завѣтное,
Знаемъ, когда ржи колоситься.

Полевые Полевунчики,
Что вы стали голубчиками?
— Мы не сами стали голубчиками,
а знать тебѣ скоро матерью быть—
То-то тебѣ весь свѣтъ приголубился.

* * *

Струнной арфой
— Качались сосны,
 где свалился полисадникъ.
у забытахъ береговъ
 и свѣтлаго столика
рай неизвѣстный,
 кѣмъ-то одушевленный.
У сосновыхъ стволовъ
 тропинка вела,
населенная тайной,
 къ ласковой скамеечкѣ,
видѣнной кѣмъ-то во снѣ.
 Пусть къ ней придетъ
вдумчивый, сосредоточенный,
 кто умѣетъ любить, не зная кого,
ждать,—не зная чего,
 а заснетъ, душа его улетаетъ
къ свѣтлымъ источникамъ
 и въ серебряной ряби
веселится она.

ТАЙНА.

Есть очень сереьзная тайна, которую надо сообщитъ людямъ.

Это —то, что земля ихъ очень любитъ.

Мы, милостью Божеею мечтатели,
Мы издаемъ вердиктъ!

Всѣмъ поэтамъ, творцамъ будущихъ знаковъ — ходить босикомъ, пока земля лѣтняя. Наши ноги еще невинны и простодушны, неопытны и скорѣе восхищаются. Подъ босыми ногами плотный соленый песокъ, точно слегка замороженый и только межъ пальцевъ шевелятся то холодныя, то теплыя струйки. Съ голыми ногами разговариваетъ земля. Подъ босой ногой поетъ доска о теплѣ. Только тутъ узнаешь дорогую близость съ ней.

Вотъ почему, поэтамъ непремѣнно слѣдуетъ ходить лѣтомъ босикомъ..

4×КП

ОБѢЩАЙТЕ.

Поклянитесь, далекіе и близкіе, пишущіе на бумагѣ чернилами, взоромъ на облакахъ, краской на холстѣ, поклянитесь, никогда не измѣнять, не клеветать на разъ созданное—прекрасное—лицо вашей мечты, будь то дружба--будь то вѣра въ людей или въ пѣсни ваши.

Мечта!—вы ей дали жить—мечта живетъ,—созданное уже не принадлежитъ намъ, какъ мы сами уже не принадлежимъ себѣ!

Поклянитесь особенно пишущіе на облакахъ взоромъ,—облака измѣняютъ форму—такъ легко опорочить ихъ вчерашній ликъ невѣріемъ.

Обѣщайте пожалуйста! обѣщайте это жизни, обѣщайте мнѣ это.

Обѣщайте!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖУРАВЛЬ»

выпустило слѣд. книги:

«Шарманка» Е. Гуро.
«Садокъ Судей I-й».
«Осенній Сонъ» Е. Гуро.
«Садокъ Судей II-й».
«Трое» Крученыхъ, Хлѣбниковъ, Гуро.

выходятъ въ октябрѣ

«Небесные Верблюжата» Е. Гуро.

готовится къ печати

«Бѣдный Рыцарь» Е. Гуро.

Ц. 1 руб.

КНИГОИЗД.

ЖУРАВЛЬ

С. П. Б. Песочная ул. № 10 к 12